

KATARZYNA WASIŃCZUK

Lublin

В объятиях жизни, за пределами смерти.
Антропологические и духовные аспекты
прозы Людмилы Улицкой (*Казус Кукоцкого,*
Даниэль Штайн, Переводчик)

Хотя в настоящее время слышатся лозунги призывающие к тому, чтобы совсем отречься от попыток определить кем, на самом деле, является человек¹, исследования человеческой природы не завершаются. Человеческая тайна притягивает. Из вопросов о человеке рождается и литература. Связь русской литературы с философией и ее отраслями: этикой и антропологией сильно подчеркивается литературной критикой. В России, где сначала царская, а потом советская цензура препятствовала свободе слова, именно литература стала пространством преподавания философии². В этот философский дискурс о человеке вписывается также современная русская писательница, Людмила Улицкая.

Творчество Улицкой не классифицируется однозначно. Некоторые исследователи ставят ее в ряд авторов современной беллетристики или представителей феминистической литературы³. Появляются определения, акцентирующие телесный аспект ее произведений:

¹ S. Szewczyk, *Kim jest człowiek. Zarys antropologii filozoficznej*, Tarnów 1994, s. 33.

² B. Żejmo, *Problemy etyczne we współczesnej prozie i publicystyce rosyjskiej*, Łódź 2000, s. 7.

³ Т. Колядич, Людмила Улицкая, [w:] *Русская проза конца XX века*, ред Т. Колядич, Москва 2005, s. 370, W. Supa, *Obraz „świata pośredniego” w powieści Ludmiły Ulickiej „Przypadek doktora Kukockiego”*, [w:] *Światło w dolinie. Prace ofiarowane profesor Halinie Krukowskiej*, pod red. K. Korotkicha, J. Ławskiego, D. Zawadzkiej, Białystok 2007, s. 739.

“биологическая проза”, “физиологическая проза”⁴. Упоминается о связях прозы Улицкой с “жесткой литературой” или “новой волной”. Одновременно писательницу считают представительницей неосентиментализма, реализма⁵. Об Улицкой впрямь заговаривается как о подражателе русской литературной традиции, называя ее представительницей “нового реализма” обогащенного элементами модернизма и постмодернизма⁶.

Возвращаясь к понятию трансцендентного и выдвигая на первый план внутренние человеческие искания, Улицкая продолжает традиции русского классического реализма. Однако, писательница преодолевает обычную форму реалистического описания, выступает в своих произведениях не только как внимательный наблюдатель человеческой жизни, литературный портретист и конструктор полного противоречий художественного мира, а пересекая границу бытописания в некоей мере становится мыслителем. Вне всякого сомнения, романам Улицкой присуща философская нагрузка. Литературная критика неоднократно употребляет в их отношении термины: философско-бытовые романы, романы-притчи⁷. Итак, Улицкая ставит задачу проникнуть в тайну человека. Функция художественной литературы, по мнению Улицкой, выходит из эстетических пределов. Писательница, так же как русские классики, видит в литературе моральный ориентир и считает ее источником самоосознания⁸.

Проблематика творчества Улицкой очень богата. Из этой тематической мозаики возникает сложный образ человека. Центром же художественного мира Улицкой является человек. Тема человека в прозе Улицкой раскрывается своеобразно, на фоне экзистенциальных проблем, представляющих собой вечные темы русской литературы (свобода, одиночество, страдание, любовь, смерть, бессмер-

⁴ Ibidem.

⁵ М. Межиева, Н. Конрадова, *Окно в мир: современная русская литература*, Москва 2006; W. Supa, *Obraz „świata pośredniego”...*, s. 739.

⁶ J. Sałajczykowa, *Współczesna proza kobiet: Marina Palej i Ludmiła Ulicka*, „Studia Rossica VII”: *W kraju i na obczyźnie. Literatura rosyjska XX wieku*, pod red. W. Skrundy, Warszawa 1999, s. 269-278; А. Цуркан, *Единство в многообразии, или народ избранный* (Улицкая Л. «Бедные родственники»), “Старое литературное обозрение” 2001, № 2 (278), (online), <http://magazines.russ.ru/slo/2001/2/curk.html>, [dostęp: 10.07.2016].

⁷ Г. Ермошина, *Людмила Улицкая, Путешествие в седьмую сторону света*, „Знамя” 2000, № 2, s. 201.

⁸ Л. Улицкая, *Священный мусор*, Москва 2013, s. 397.

тие души) через образы-характеры героев, создаваемые при помощи именной, портретной, поведенческой характеристики. Антропология Улицкой является антропологией персонализма и духовно-телесного чутья. Человек, по Улицкой, не сводится к рациональности. Это прежде всего искатель универсальной жизненной вертикали, искатель главной составляющей человеческого бытия.

Обращение к древнехристианской традиции, архетипам из русского духовно-культурного круга, присутствие иудео-христианской символики в прозе Улицкой выступают строительным материалом антропологии писательницы. Представление Улицкой о человеке совпадает с христианской концепцией человеческой личности и бытийной структуры человека. Произведения Улицкой богаты библейскими мотивами, а также элементами общими для разных религий (например, индуизма, буддизма, ислама). В прозе писательницы выразительно заметно влияние иудаизма на становление ее антропологических взглядов. Улицкая довольно часто использует мотивы из еврейского религиозного и культурного круга (мотив Вечного жида, ветхозаветные реминисценции). Нельзя не обратить внимания на ее характерный, “еврейский” способ восприятия христианства (имеем в виду, например, типичное для иудаизма настаивание на ортопраксию).

В своей прозе Улицкая акцентирует внутренние, духовные проблемы. Писательница поднимает вопросы смысла человеческого существования, внутренней жизни, бессмертия души, мистического опыта человека. Ее интересует влияние сверхъестественной сферы на становление человеческой личности, а мотив загадочных духовных связей, которыми сплетены герои, возвращается как устойчивый фрагмент сюжета. Улицкая использует религиозные и мистические мотивы довольно широко. Проблемы души становятся строительным материалом прозы Улицкой. Внутренний мир героев приобретает сюжетобразующие функции. Религиозная насыщенность служит жанровым расширением романа (так возникает новый тип романа – агиороман)⁹. Двойственность, соединение видимого и нематериального является главным элементом образного

⁹ Д. Бычков, „Средневековая душа”: художественные функции образа житийного персонажа в романе Л. Улицкой “Казус Кукоцкого”, “Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований” 2009, № 3, s. 135.

представления художественного мира. Прежде всего же, глубокой духовностью (охватывающей и неэмпирические ощущения, и импульсы тела, и отношения, как с Абсолютом, так и с другим человеком) наделен герой Улицкой.

Персонажная система прозы Улицкой репрезентирует авторское мировосприятие. Герои осуществляют характерные русскому культурному кругу, антропологические типы как: странник, праведник, юродивый. В их облике отражается полный внутренних колебаний сегодняшний человек. Улицкая заговаривает о природной религиозности характерной всем. Ее мистики, пророки и святые нередко бывают людьми невоцерковленными. Улицкая осовременивает и трансформирует хорошо известные в культуре явления и архетипы, благодаря чему перед читателем предстают новые герои: странники, праведники, святые нашего времени.

Образ погруженной в духовный мир женщины создает Улицкая в лице одной из героинь произведения *Казус Кукоцкого*, Елены Кукоцкой. Именно этому персонажу отводится роль медиум, звена связывающего видимый, материальный мир с незримым, духовным и вечным миром. Елена является героиней пограничья – она живет на грани двух миров, на окраине земного пространства и в преддверии неизвестной потусторонней действительности. Героиня уже с детства видит таинственные сны. Убеждена в том, что посредством снов ей открывается важное посвящение и поучение, она одновременно старается вполне участвовать в жизни, безупречно выполняя роли матери, супруги, друга. Именно Елена Кукоцкая создает климат взаимопонимания и доброжелательности. Женщину с близкими людьми связывают также мистические нити. С каждым из них у нее особая, необыкновенная связь. Вот например, присутствие Елены укрепляет Павлов дар – умение проникнуть через тело пациента и непонятным образом распознавать болезни. Василиса, в свою очередь, умеет толковать Еленины сны. Самая тесная сверхъестественная связь, однако, соединяет Елену с дочерью. Об исключительности этой связи Лена пишет в своем дневнике: “Только он ее так не чувствует, как я. Ведь когда у нее голова болит, или живот, я совершенно знаю, как оно болит...”¹⁰. Связь матери с Таней телепатическая.

¹⁰ Л. Улицкая, *Казус Кукоцкого*, Москва 2008, s. 158. Все цитаты из данного произведения приводятся по этому изданию.

Из-за скорбных, страшных слов своего мужа, Елена начинает болеть – причем болеет не только Еленино тело, но и душа. По причине таинственного психического заболевания, женщина все чаще теряет сознание, уходя из земного мира и посредством сновидений побывает в нематериальной стране. В действительности, жизнь Елены в социуме осложняется, но ее существование отнюдь не прекращается. Перед героиней открывается необыкновенное будущее, новый мир, так как сон воспринимается Улицкой не как ментальный мусор, ни фрейдовский образ скрытых мечт и мыслей. Сон не редуцируется к психически-биологической жизни человека. Улицкая сближается к тезису Карла Юнга о индивидуации, индивидуальном психическом развитии посредством сна. Немецкий психолог, знаток психотерапии и священник, Анзельм Грюн, подчеркивает, что сон содержит также метафизическое сообщение и может стать указателем пути жизненной перемены¹¹. Юнг, как отмечает Грюн, включает сны в спектр духовных, религиозных проблем:

(...) Jung uważał, że we śnie nie ma ateistów. Każdy styka się tam z symbolami religijnymi. Dusza jest bowiem w swej głębi religijna¹².

Некоторыми учеными сон считается одним из доказательств существования потустороннего мира. Сон позволяет Елене вникнуть в будущее, в вечность, в собственную душу, в свое глубинное “Я”. Посредством сна возможно и ее общение с Абсолютом. Еленины сны вовсе не кажутся нам бредом, а скорее всего, мистическим ощущением, сигналом из загробного пространства. Правда, Елена невольно попадает в этот, как сама его называет, “средний мир”. Однако, оказывается, что онейрический опыт Елены дает ей возможность узнать будущее, разгадать божий замысел. Ввиду того, что результатом этого интуитивного познания является озарение, его следует назвать мистическим¹³. Елена чувствует, что предназначение человека не ограничивается ни земным миром, ни смертью. Кроме того, мистицизм Елениных переживаний подтверждается

¹¹ A. Grun, *Duchowy wymiar snów*, Poznań 2008, s. 8.

¹² Ibidem.

¹³ P. Czapła, *Fenomen doświadczenia mistycznego. Analiza filozoficzno-psychologiczna*, Kraków 2011, s. 17-18, 204.

и практическим их смыслом¹⁴: ведь этой неизвестной реальностью кто-то управляет, устанавливая законы, по которым она действует, преображая всех прибывших. В загадочном пространстве нет ни одного существа, которое нашлось бы здесь случайно. Всем присутствующим назначаются разные задания. Автор *Казуса Кукоцкого* выстраивает мир похожий на католическое чистилище, но как замечает польский исследователь, Ванда Супа, Улицкая избегает этого понятия так же, как и других богословских терминов, таких как: “грех”, “бессмертие души”, “ад”, “Царство Божье”, “спасение”, „вечное проклятие”, вместо которых употребляет нейтральные слова близкие „трансценденции” или „абсолюту”. К тому же, писательница относится к общеизвестным архетипам, символам и когнитивным парадигмам типа: вода, свет, огонь, дорога, препятствие, испытание¹⁵. В пользу универсальности потустороннего мира Улицкой приводится и аргумент религиозного синкретизма как структурной основы данного образа. К символам, восходящим к иудаизму, можем отнести мотив путешествия: в загробном мире люди странствуют по пустыне, как евреи ведомые Моисеем. Загробное путешествие напоминает также поход в Сион – Обетованную Землю и место благодати¹⁶. В. Супа замечает, что пространство описываемое в романе, напоминает похожий на землю исламский потусторонний мир, но к исламской концепции Страшного суда Улицкая не относится¹⁷. Из индуизма, в свою очередь, Улицкая почерпнула эволюционные элементы, то есть явление реинкарнации. О универсализме “среднего мира” заявляет и расшифровка Елениного имени. Неслучайно другой мир мы видим глазами Елены. Елена же, представлена как женщина, связанная с эллинской культурой. Образ героини не только отвечает характеристике прекрасной Елены, виновницы Троянской войны, но также включает в себе намек на принадлежность Елены к древнегреческой культуре, в связи с чем указывает на характерное эпохе эллинизма многобожие. Выстраивая своеобразное неземное пространство Улицкая отнюдь не провозглашает политеизма, а создает образ Бога, который заботится о всех людях, о представителях

¹⁴ Ibidem, s. 39.

¹⁵ W. Supa, *Obraz „świata pośredniego”...*, s. 744.

¹⁶ H. Langkammer, *Życie po śmierci. Eschatologia Starego i Nowego Testamentu*, Lublin 2004, s. 41, 83.

¹⁷ W. Supa, *Obraz „świata pośredniego”...*, s. 740.

разных культур и вероисповеданий. Таким образом Улицкая заявляет и о человеческой природной религиозности.

Странствие по потусторонней пустыне, напоминающей “зал ожидания”¹⁸ означает не бегство от действительности, а формирование будущего и поиск себя. Преображению подвергается и сама Елена. Для того, чтобы возродиться, освободить душу, Елене придется прислушаться к собственному – измученному болезнью и тоской по любимому избраннику – телу, или как пишет Галина Ермошина, пробиться “через пустыню отброшенного тела”¹⁹. Улицкая утверждает важность двух аспектов человеческой природы – духовной и телесной сферы бытия. В концепции Улицкой примат духовности не равнозначен вытеснению, уничтожению телесного элемента бытия. Духовная сила дана человеку как сила переменяющая и объединяющая в одно целое его раздробленную личность, его прошлое и будущее. Таким образом, душа проницая тело поднимает его на высший уровень. Преображенное, проникнутое духом тело становится специфически человеческим, равным душе. Елена Кукоцкая, вспомним, является частью патриархальной системы. Нина Габриэлян в статье *Пол. Культура. Религия* объясняет патриархальный способ понимания женщины, в отличие от мужчны (которому половой патриархальный символизм приписывал такие качества как: свет, дух, сила, культура, активность) представляющей собой слабость, пассивность, тьму, пустоту, неопределенность²⁰. Павел Кукоцкий – главенствующее в семье лицо, согласно культурному патриархальному стереотипу отождествляет женственность с телесностью²¹ и ценит те качества, которые строго определены патриархальной культурой как присущие женщине, и которых носительницей является Елена. Героиня Улицкой представлена стереотипически, но этот стереотип

¹⁸ А. Тюлякова, *Сон как трансляция психологии героев в произведениях Л. Улицкой*, [w:] *Сборник статей международной научной конференции посвященной 500-летию Армянского книгопечатания и 65-летию основания СНО ЕГУ*, ред. Н. Арутюнян, Ереван 2013, s. 164.

¹⁹ Г. Ермошина, *Людмила Улицкая...*, s. 201.

²⁰ Н. Габриэлян, *Пол. Культура. Религия*, “Общественные науки и современность” 1996, № 6, s. 126.

²¹ Por. J. Tarkowska, *Tożsamość kobiet(y)*, J. Tarkowska, *Mit kobiety w powieści Ludmiły Ulickiej Medea i jej dzieci – ortopraksja i hellenizm*, „Rossica Lublinensia” 2008, nr 5, s. 280.

обыгрывается. В будущем, вскоре же, на пути к гармонии и взаимообогащению, мужской и женский пол проникнутся и подвергнутся трансформации. Автор романа с этой целью и направляет Елену в другой, незримый мир.

Оказавшись в потустороннем мире, Елена встречает своего мужа. Павел, так же как в земной жизни, выступает проводником Елены, терпеливо объясняя ей законы, на основании которых действует загробный мир. Ситуация диаметрально изменяется во сне, который видит Елена в другом мире. Это один из пророческих снов наделенной даром прекогнитивного ясновидения женщины. Елена в этом сне вступает в интимную связь со своим мужем, Павлом. Необычным и странным путём происходит этот акт:

Это не он по-супружески (...) заполнял узкий, никуда не ведущий проем, входила она и заполняла половое ядро, неизвестную ему самому сердцевину, которую он неожиданно в себе обнаружил.

– Душа моей души – шепнул он (...) [*Казус Кукоцкого*, с. 443].

Нетипичное представление телесной любви супругов отсылает читателя к половой символической сформированной в рамках патриархальной культуры. Цитированный фрагмент помещается в романе с целью дооценить женщину как творческое, активное существо и преодолеть патриархальное представление о женщине как о человеке крови и плоти, но не души. Тем самым, Улицкая подчеркивает факт взаимодействия женщины и мужчины. Елена, которая уподобляется мужчине, на самом деле берет на себя роль носительницы духовных качеств и становится собой. В образе телесно-духовного обновления Елены видна борьба Улицкой за женщину, особенно за ее духовный статус. Улицкая ставит акцент и на взаимодействие мужчины и женщины. Сон Елены, в принципе, напоминает библейский сон Адама во время созидательного божественного акта. Елена также погружается в сон как неполный человек, лишь образующий свою истинную, творческую личность. Обновленные мужчина и женщина наконец-то способны взаимообогащать друг друга.

Повторим за Иоанной Тарковской, что в христианской традиции женщину называется даром²². Необходимо же добавить, что женщина на это не только дар предназначенный мужчине (Адаму). Женщина

²² J. Tarkowska, *Mit kobiety...*, s. 279.

подарена Богом всему человечеству (слово *adam* представляет собой собирательное существительное и переводится с иврита словом *человек*, в смысле человечество²³). По мнению Людмилы Улицкой, женщина призвана облагораживать человека и таким образом изменять будущее:

Мужчина и женщина призваны быть в этом мире партнерами, и я уверена, что более широкое участие женщин во всех областях жизни общества послужило бы смягчению жестокости, умиротворению агрессии, пересмотру социальных программ (...)²⁴

Женщина не дается мужчине для захвата и доминации, а как “помощь”. Термин *помощь*, который кроется под библейским понятием *ezer kenegdo* и употребляется в Книге Бытия для определения женщины, а также самого Бога обозначает “спасение”, “необходимую помощь”²⁵. Женщина является помощью находившемуся в отчаянной ситуации мужчине и человечеству.

Очень важным в характеристике Елены кажется нам символ воды. Страдающая психической болезнью женщина, лишь в тёплой воде на короткий миг вновь обретает сознание и становится собой. Вода выступает в романе символом женского начала²⁶. Но *вода* – это также “слово-символ, сохранившийся в сознании носителей современной культуры след той культуры, истоки которой уходят в глубокую древность”²⁷. Символ воды, таким образом, может отсылать

²³ Jan Paweł II, *Mężczyznę i niewiastę stworzył ich. Odkupienie ciała a sakramentalność małżeństwa*, Lublin 2008, s. 28.

²⁴ Л. Улицкая, *Священный мусор*, Москва 2013, s. 214.

²⁵ Zob. K. Lewkowicz-Siejka, *Kobiece oblicze Boga*, (online), <http://znakiczasu.pl/trzymajac-sie-slowa/130-kobiece-oblicze-boga>, [dostęp: 11.06.2016]; M. Buczek, *Znaczenie pierwotnej samotności – teologia ciała według Jana Pawła II*. Na marginesach Rdz 2, (online), <https://michalbuczek.wordpress.com/2009/05/21/znaczenie-pierwotnej-samotnosci-%E2%80%93-teologia-ciala-wedlug-jana-pawla-ii-na-marginesach-rdz-2>, [dostęp: 11.06.2016].

²⁶ Ю. Семикина, *Антиномия “открытого” и “замкнутого” хронотона в романе Л. Улицкой “Казус Кукоцкого”*, “Известия ВГПУ” 2008, № 2, s. 170.

²⁷ А. Ермакова, *Сакрально-символический смысл ключевого слова вода в романе Л. Улицкой “Казус Кукоцкого”* [w:] *Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы*, ред. К. Галлиулин, Казань 2004, s. 266-267.

нас к матриархальной мифологии. В матриархальной системе стереотипов – не мужчина, а женщина являлась носительницей и хранительницей духовных возможностей.

Присутствие женщины, по мнению Людмилы Улицкой, обуславливает духовный рост человека. Нередко бедные слова, которые в теплой воде высказывает Елена, являются блеском внутреннего познания. Только за пределами смерти, в духовном пространстве, там, где – согласно эпиграфу к роману – “лежит истина” [*Казус Кукоцкого*, с. 5] человек может очеловечиться, лишь там находится истинное будущее, настоящая жизнь, а женщина способна указать к ней путь.

Людмила Улицкая охотно относится к категории святости. Святость, по мнению автора *Казуса Кукоцкого*, представляет собой “иноприродное явление”²⁸. Святым, называется человек подражающий Богу, уподоблен Ему силой божественной любви, так как он благодаря умению любить становится участником и носителем Божьей святости²⁹. Даниэль Штайн (отражающий праведническую жизнь своего прототипа, польского монаха, Даниэля Руфайзена) представлен как почти канонический святой. Улицкая наделяет его множеством положительных свойств: он эмпат, не только сопереживающий с другими их радости и беды, и не только готовый поддерживать беспомощных и требующих, а способный даже жертвовать собой вплоть до подвига, не побоявшись неоднократно рисковать собственной жизнью ради спасения других людей. Герой Людмилы Улицкой, ее святой мистик, однако, “уникален не просто неизмеримой добротой или добродетельной жизнью, а старанием выполнить заповедь любви”³⁰. В Даниэле, решившем стать орудием единственного Бога-Любви, Улицкая видит надежду будущего.

Роман Улицкой не возник за рамками литературной русской традиции. Выразительно заметны в нем отсылки хотя бы к творчеству Ф. Достоевского, Л. Толстого, М. Булгакова. Стоит отметить, что интертекстуальность происходит также внутри творчества Улиц-

²⁸ Ibidem.

²⁹ M. Bednarz, *Biblia na cenzurowanym*, Szczecinek 2006, s. 208-209.

³⁰ К. Васиньчук, *Образ праведника в прозе Людмилы Улицкой (“Казус Кукоцкого”, “Даниэль Штайн, Переводчик”)*, [w:] *Аксиология славянской культуры. Международный сборник научных статей молодых ученых, аспирантов, студентов*, Нижний Новгород 2016, s. 117.

кой. Даниэль Штайн – конгломерат человеческих судеб. Он вбирает в себя опыт некоторых героев других произведений Улицкой. Штайн, вне всякого сомнения, находится, как другая героиня романа, Даниэлева помощница Хильда, на странническом пути. Он человек смиренный (“Да, он о себе говорить не любил” равнодушный к почестям и материальным благам (заработанные деньги либо “в монастырь отдавал”³¹ либо “на прихожан тратил” [*Даниэль Штайн*, с. 76]), зато полностью посвященный службе другому человеку. При этом он еврей, и по этой, между прочим, причине не всегда понимается и принимается своими собратьями. Этот горький опыт отчужденности герой разделяет не только с Хильдой, но также с другими героями (например с упомянутой уже Еленой).

Сходство заглавного героя романа *Даниэль Штайн. Переводчик* с героиней *Казуса Кукоцкого* бывшей послушницей, Василисой, поразительное: оба они наравне принадлежат к церковной среде, а портретная и психологическая характеристика обоих героев относится к агиографическим описаниям разного типа святых (особенно древнерусских: юродивого, страстотерпца, странника). Оба героя терпеливо переносят обиды, никогда не жалуются, трудятся выше сил, у обоих даже таинственные видения.

Вера Штайна вводится на практический уровень и ведет его к другому человеку. Боль о человеке и умение налаживать искренние, теплые, очень близкие эмоциональные отношения с другими уподобляют Даниэля женщине. Этот монах несомненно, является впечатлительным мужчиной. Но нельзя не заметить, что Даниэлева чувствительность не случайно в романе доведена до пределов. Герой предстает перед нами не только как настоящий отец, но также как жертвенная мать. Образ этот сходный с представлением матери в лице Елены Кукоцкой. Даниэль по профессии переводчик, но он является переводчиком и в духовном плане. Он, как заботливая мать, всех понимает, даже если они говорят на языке вражды, недоверия, страдания, ненависти и переводит их опыт на божественный язык всепрощения, милости и любви.

Конечно, Даниэль далек от совершенства, хотя, несомненно, показан Улицкой как святой. Образ святого, конечно, возникает

³¹ Л. Улицкая, *Даниэль Штайн переводчик*, Москва 2007, с. 75. Все цитаты из данного произведения приводятся по этому изданию.

с опорой на образ Христа. Даниэль показывает человека (и Бога) во всей его полноте. В образе героя мы замечаем не только праведного мужчину, но также святую женщину. Именно этому служит прием введения нетипичного героя – женственного мужчины. Улицкая в романе *Даниэль Штайн. Переводчик* рисует новый художественный литературный портрет Бога, сходный с иным произведением искусства, полотном Рембрандта *Возвращение блудного сына* на сюжет новозаветной притчи. Мужские признаки милосердного отца художник пополняет женской нежностью матери³². Даниэль становится живой иконой Бога, его настоящим образом, все возводящим к Первообразу – примером своей жизни он указывает не себя, но демонстрирует присутствие высшей силы, Любви³³. Даниэль получает говорящую фамилию. Он является Штайном, камнем, Петром, на котором строится настоящая церковь, пространство любви. Даниэль Штайн, таким образом, человек, в котором совмещены лучшие духовные достижения, искренне любящий, способен формировать будущее человечества. Любовь же выступает в прозе современной писательницы, условием настоящей духовной жизни.

Духовность, по мнению Улицкой, является не отдельным явлением, но составляющей мир. Причем мир настоящий и будущий. Будущее в творчестве автора *Казуса Кукоцкого* тесно связано со сферой души. Духовные аспекты проникают во всю структуру художественного мира созданного писательницей. Ведь в прозе Улицкой и пространство и предметы вечно мира, даже время или его отсутствие имеют отношение ко сфере сверхъестественного. Кажется, все-таки, что литературный герой выступает самым важным носителем духовной семантики произведений Улицкой. Мистики Улицкой это одинокие странники и юродивые, которые общаются с Абсолютом, нередко “маленькие”, отброшенные обществом как малосведущие люди, которые через сон, болезнь, наконец-то смерть, уходят в иную сферу жизни. Это и способные к самопожертвованию божие посланцы, напоминающие ангелов-хранителей. Только тот, кто открыт к нематериальному сможет видеть и формировать будущее. Роль духовного наставника, хранительницы внутренней

³² K. Lewkowicz-Siejka, *Kobiece oblicze Boga*, (online), <http://znakiczasu.pl/trzymajac-sie-slowa/130-kobiece-oblicze-boga>, [dostęp: 15.06.2015].

³³ Т. Касаткина, *Пространство картины и икона в пространстве*, “Новый мир” 2007, № 5, s. 153.

человеческой жизни Улицкая зачастую поверяет жещине. Стоит подчеркнуть, что женщина и мужчина в творчестве писательницы призваны к взаимообогащению. Именно совмещение женского и мужского элементов составляет гармоничного человека, строителя мира. Им является знаток языка самоотверженной, чувствительной любви. Проведенный анализ произведений Людмилы Улицкой (*Казус Кукоцкого, Даниэль Штайн, Переводчик*) дает основы сформулировать вывод, что перспективы развития человечества в будущем писательница видит в нравственном самосовершенствовании и духовном поиске.

SUMMARY

In the embrace of life, beyond death. Anthropological and spiritual aspects of prose by Lyudmila Ulitskaya (*The Kukotsky Enigma, Daniel Stein, Interpreter*)

The aim of this article is to attempt to identify the anthropological and spiritual aspects of the prose by Lyudmila Ulitskaya, from the perspective of the future. A literary hero becomes a semantic carrier as well as a representative of the human condition and our spiritual reality as expressed in the reflections of the author. Ulitskaya builds portraits of those who are immersed in the future trying to read the signs of the times. The heroes of her novels, therefore, are often mystics, prophets, and seers. The future reveals the true moral state of the modern human; it is a pretext for an existential reflection. A soulful man, according to Ulitskaya, can catch a glimpse of the future, but his affiliation to the realm of the immaterial sphere determines his openness to all that is sacred, which is love, according to the author. It is love that gives us a depth of understanding; it allows mystics to decode secrets of life and it shapes the future.

KEYWORDS: spirituality in contemporary Russian prose, anthropological aspects of prose by Lyudmila Ulitskaya, future in Ulitskaya's novels, *Daniel Stein, Interpreter, The Kukotsky Enigma*